

Внутри прозрачной клетки Рейн и чудовище совершенно не обращали внимания на беспорядки, происходящие снаружи, как будто эта ловушка была единственным существующим миром, и ничто другое не могло быть более интригующим, на чем можно было бы сосредоточиться, кроме них двоих.

Глубокое рычание зверя все еще душило ее, заставляя Рейн отступить, но то, что сделала ангел-хранитель, было совершенно противоположным: она придвинулась ближе к нему, делая один шаг за раз, когда зверь начал яростно рычать, как будто предупреждая ее не подойти поближе.

Рейн проигнорировала все это, однако паникующая толпа снаружи забеспокоилась, когда даже Белинда, которая только что подошла, не смогла разорвать окружавшую их магическую формацию.

Рейн также не понимал, почему Белинда или маги не могли этого сделать, но у нее не было достаточно времени, чтобы обдумать все это, когда внимание ангела-хранителя было сосредоточено исключительно на звере перед ее глазами прямо сейчас.

«Каллеб, иди сюда...» Рейн протянула руку к коричневому зверю, говоря хриплым голосом, как умоляющий. «Я знаю, через что ты сейчас проходишь, и мне жаль, что я ничем не могу тебе помочь...»

Рейн сглотнула, чувствуя, как горечь застряла у нее в горле, когда она снова услышала жалобный вой зверя.

Вой, который, казалось, звал кого-то, кто не мог ему ответить. Так больно и мучительно.

— Каллеб, я знаю, что ты здесь, ответь мне... поговори со мной, — убедительно сказала Рейн, протягивая руки, намереваясь коснуться бока морды зверя, но коричневый зверь залаял, его глаза превратились в более темный оттенок красного, наполненный гневом.

Но то, что увидела Рейн, было отчаянием...

«Каллеб, ты меня не любишь? Ты не хочешь поговорить со мной?» Рейн зарыдала, увидев Каллеба в таком состоянии.

Рейн никогда не думала, что увидит Каллеба, которого она считала старшим братом, на самом низком этапе его жизни, пока он не забыл свое истинное «я», поддавшись своим звериным инстинктам.

— Каллеб, это я... Рейн. Ты меня не узнаешь? Каллеб в памяти Рейн был человеком, который мог сделать любую ситуацию веселой, человеком со светлой душой и не наполненным ненавистью, как фигура, которую сейчас изображал его зверь.

Ангел-хранитель попытался заговорить с Каллебом, ее рука все еще была протянута, но она больше не пыталась приблизиться к нему, Рейн ждала, пока зверь подойдет к ней первым и проявит инициативу, чтобы ее коснулись.

Но это была непростая задача.

Потому что именно тогда зверь начал скалить клыки на ангела-хранителя, глядя на нее, как будто она была врагом, взглядом, полным мести.

Однако Рейн знала, что его зверь не нападет на нее, она не могла объяснить это чувство и только знала о нем, ведь если бы он хотел напасть на нее, то сделал бы это сразу после того, как она вошла в клетку. Он должен был уже напасть на нее, если собирался, вместо того, чтобы отступать от ее прикосновения.

Зверь, казалось, только предупредил Рейн, чтобы та прекратила приближаться к нему, но, несмотря на все предупреждения, ангел-хранитель решил сделать наоборот, и это поставило зверя перед дилеммой.

То, как он вел себя, побудило Рейн призвать Каллеба восстановить контроль над своими чувствами.

Потому что, если зверь не хотел причинить ей вреда, это означало бы, что Каллеб понял, что тот, кто перед ним, был его закрытым. Зверь узнал ангела-хранителя, но никто не знал, какая степень привязанности потребуется, чтобы зверь не растерзал тело ангела-хранителя.

Рейн полагалась исключительно на тот факт, что зверь знал ее, и все, что ей нужно было сделать, это дотянуться до Каллеба, которого она знала внутри себя, его человеческой стороны, которую он похоронил глубоко за яростью и отчаянием смерти своей пары.

— Каллеб... — позвала Рейн кого-то, кто ей дорог, мягко и, когда она была уверена, что в безопасности, снова сделать еще один шаг вперед.

Зверь был на расстоянии вытянутой руки, и кончики ее пальцев на секунду задели его мягкую шерсть, прежде чем зверь снова злобно зарычал на нее.

Но на этот раз зверь попятился, избегая прикосновения Рейн. Его большая голова яростно трясла головой, как будто он хотел сохранить фасад своего гнева, который почти рухнул.

Рейн знала, что он был близок к тому, чтобы вернуть свою совесть, поэтому сделала еще один шаг к нему.

— Каллеб... — Рейн продолжала тихо звать его по имени, когда слеза скатилась по ее щеке.

Затем Рейн сделала еще один большой шаг, прежде чем упала на колени и села в очень уязвимом положении...

Если зверь захочет, ему просто нужно вытянуть когти и одним махом перерезать шею Рейн и лишить Ангела-Хранителя жизни в мгновение ока.

Однако он этого не сделал, он снова рывкнул, предупредив девушку перед ним, чье тело выглядело очень маленьким по сравнению с его, чтобы она отступила и держалась подальше, показывая, что он не хочет причинять ей боль.

Именно тогда Рейн совершила еще один дерзкий поступок, заставивший всех, кто был там, кричать во все горло, предупреждая ее держаться подальше.

Белинда и Сибил кричали от безмерного страха на лицах и изо всех сил пытались разрушить этот магический барьер, но их бешеное отчаяние не могло дать желаемых результатов.

Из-за того, что они видели; Рейн, рухнувшая на колени, оказавшись в очень уязвимом положении и с очень высокой вероятностью быть убитой, наклонилась вперед и обняла зверя за шею, вместо того, чтобы оставаться в безопасности, как будто огромный монстр не представлял серьезной угрозы.

Как будто он не мог убить ее одним своим ударом.

Или, может быть, зверь не убьет ее...

И Рейн ясно дала это понять всем присутствующим, потому что, когда она обняла зверя за шею, бурый зверь просто зарычал и замотал шеей, пытаясь избавиться от это надоедливое маленькое существо перед ним.

Однако ни разу он не сделал шага, который каким-либо образом поставил бы под угрозу жизнь Ангела-Хранителя.

<http://tl.rulate.ru/book/57853/2276000>